

М. Л. Гаспаров

ПОСЛАНИЕ ГОРАЦИЯ К АВГУСТУ

(ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛЕМИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА)

ЭПОХА Августа по традиции считается в истории «золотым веком римской литературы», и писатели эпохи Августа, вольно или невольно, представляются единой литературной фалангой, движимой общими стремлениями и преследующей общие цели. На деле это, конечно, не так. В литературе эпохи Августа действовали разные поколения и разные направления. Поколение Вергилия и Горация не было похоже на поколение Овидия; направление поэтов Меценатова кружка было не единственным и встречало сильную оппозицию. Смена литературных поколений в эпоху Августа давно уже отмечена наукой; борьба литературных направлений изучена менее. Между тем эта литературная борьба особенно интересна, так как она была своеобразной формой общественной борьбы той эпохи.

О литературных противниках Вергилия и Горация мы знаем из самых сочинений этих поэтов и из древних комментариев к ним. Не говоря о прословутых Бавии и Мевии (Verg., Buc., 3, 90; Serv. ad loc.; Philarg. ad loc.; Serv. ad Georg. I, 210; Hor., epod. 10; Hier., an. 1982), мы знаем хотя бы по именам и названиям сочинений целую плеяду «хулителей Вергилия» (Нумиторий, Карвилий Пиктор, Випсаний, Геренний, Переллий Фавст, Октавий Авит — Donat., Vita Verg., 43—46; ср. Serv. ad Buc., 2, 22; ad Georg. I, 299); Гораций сам называет своих врагов: Пантилия, Деметрия, Фанния, Тигеллия Гермогена (Sat. I, 10, 78—80; ср. Sat. I, 4; II, 1)¹, в послании 1, 19 он признает, что против него выступают все «трибы грамматиков» (ст. 40), а в послании к Августу энергично защищается от нападок почитателей древних римских поэтов (II, 1, 18—89; ср. II, 3, 53—58). Традиционно считалось, что этими противниками Вергилия и Горация были, во-первых, бездарные поэты, нападавшие на них из зависти, и, во-вторых, грамматики, школьные преподаватели, выступавшие против новой поэзии в силу свойственной их профессии приверженности к старине². Наивность такого толкования очевидна.

Около ста лет назад Н. М. Благовещенский³ впервые предположил,

¹ Ср. A. Weichert, De Horatii obtrectatoribus, в кн. «Poetarum latinorum Hostii... vitae et carminum reliquiae», Lipsiae, 1830, стр. 270—330.

² См., например, E. Courbaud, Horace, sa vie et sa pensée à l'époque des Épîtres, P., 1914, стр. 328; A. Cartault, Étude sur les satires d'Horace, P., 1898, стр. 364; R. Marache, La critique littéraire de la langue latine, Rennes, 1952, стр. 33.

³ Н. М. Благовещенский, О литературных партиях в Риме в эпоху Августа, СПб., 1855; перепечатано в кн.: Н. М. Благовещенский, Гораций

что причины этой литературной борьбы были более глубокими: именно, что архаизм эпохи Августа был проявлением республиканской оппозиции режиму принципата. Защищая старину, «хулители» Вергилия и Горация защищали республиканские традиции против монархических тенденций «певцов Августа» и народную самобытность — против аристократического эллинофильства. Эти страницы работы Н. М. Благовещенского не устарели до сих пор: высказанное им предположение может быть принято нами целиком. Но оно нуждается в дальнейшей разработке. В каких жанрах работали архаисты, чьи традиции они продолжали, чем объяснялась их оппозиционность — этих вопросов Благовещенский не ставил. Между тем ответ на эти вопросы представляется возможным.

Имеющиеся данные позволяют различить среди противников Вергилия и Горация две категории: с одной стороны, архаистов-практиков — поэтов и, с другой стороны, архаистов-теоретиков — грамматиков.

Ключ к вопросу об архаистах-поэтах дает нам самый значительный из документов о полемике с архаистами — послание Горация к Августу. Центральная часть этого послания целиком посвящена критике театра и театральной жизни. Именно здесь должны мы искать первый оплот оппозиционной литературы этого времени. Действительно, на римской сцене конца Республики и начала Империи безраздельно господствует народная комедия — ателлана и мим, в первую очередь — мим. Архаизм языка и стиля этой комедии очевиден из свидетельств и сохранившихся отрывков. Оппозиционность этой комедии также не вызывает сомнений: историки сохранили известия о длинном ряде политических выпадов с комедийной сцены и о жестоких репрессиях против комедии⁴. Правда, эта оппозиционная традиция в передаче историков как бы прерывается на время правления Августа. Но это объясняется только тем, что историки, как правило, упоминают о выпадах народной комедии лишь в связи с каким-либо из ряда вон выходящим наказанием, какому подвергся сочинитель или актер. Молчание историков вовсе не означает, что такой оппозиции не существовало: оно означает лишь, что Август был достаточно осторожен, чтобы не применять силу против комиков. Действительно, Август старался показать свою любовь к народным зрелищам и постоянно присутствовать на театральных представлениях (Suet., Aug., 43—45). Этим он как бы противопоставлял популярности комедии собственную популярность и не без успеха: ему случалось слышать со сцены не только насмешки, но и лесть (Suet., Aug., 53).

Об архаистах-грамматиках среди врагов новой школы мы имеем еще более прямые указания (перечень «хулителей Вергилия», упоминания у Горация: Sat., I, 10, 91; Ep. I, 19; II, 1, 50—59). Консерватизм их вкусов общеизвестен; правда, об их политической оппозиционности свидетельств нет; но мы знаем, что для знатной и зажиточной публики грамматическая школа была ступенью к риторической школе, а риторическая школа была признанным очагом аристократической оппозиции. Здесь учились молодые люди из богатых семей, принадлежавших или тянувшихся к сенаторской знати; всякое недовольство монархическими устремлениями Августа находило здесь живейший отклик. О прямых политических выпадах в де-

и его время, СПб., 1864 и 1878; ср. одобрительную рецензию Н. Г. Чернышевского («Полное собрание сочинений», т. II, М., 1949, стр. 692). Важность этой работы отметил в свое время Н. Ф. Дератани («История римской литературы» под ред. Н. Ф. Дератани, М., 1954, стр. 17 и 225).

⁴ Macrob., Sat. II, 7—12; Suet., Aug., 68; Tib., 45; 57; Cal. 27; Ner., 38; Gal., 13; Vesp., 19; Dom., 10; Tac., Ann. IV, 14; SHA, M. Aur., 8; Comm., 3; Max., 9. Подробный обзор см. в кн.: H. Reich, Der Mimus, I, B., 1903, стр. 182—204 и в ст.: R. W. Reynolds, Criticism on Individuals in Roman Popular Comedy, «Classical Quarterly», 37 (1943), стр. 37—45.

кламациях риториков свидетельствуют Сенека Старший (Contr., II, 4, 12 о Порции Латроне; Suas., 6, 9 об Альбуции Силе), Светоний (de rhet., 6 — об Альбуции Силе), Дион (59,20,6 — о Секунде Карине). По отношению к этой интеллигентской оппозиции Август мог позволить себе более жесткие меры, чем по отношению к народным любимцам — комикам; Латрон и Альбуций вынуждены были покинуть Рим, сочинения Лабиена были сожжены, Кассий Север умер после многолетней ссылки.

Важно отметить, что между областями риторики и народной комедии имелись точки соприкосновения. С одной стороны, риторы пользовались опытом народной комедии для разработки бытового фона семейных и уголовных тем своих декламаций: мим изучался в школах (памятником этого остался известный сборник Публилиевых сентенций), мимические приемы были в таком ходу у ораторов, что блюстители чистоты красноречия роптали (Sen., Contr., VII, 2, 14; 4, 8; 5, 15; Quint., VI, 3, 8—9); и характерно, что защитником мима от их нападков выступил наиболее радикальный представитель оппозиции, Кассий Север (Sen., Contr., VII, 3, 8—9). С другой стороны, и мастера народной комедии пользовались опытом риториков и грамматиков: грамматик Крассий начал свою деятельность литературным консультантом при театре (Suet., de gram., 18). Не случаен интерес грамматиков к предшественникам народной комедии — мастерам паллиаты и тогаты; и примечательно, что «канон» грамматика Волкация Седигита (Gell., XV, 24) ставит на первые места комиков-демократов Плавта и Невия, а на последние — аристократически настроенных Энния и Теренция. Именно коллегия грамматиков оказывалась тем узлом, где сходились риторика и комедия, аристократическая и демократическая оппозиция. Грамматики — в большинстве своем плебей или вольноотпущенники — демократизировали идеологию риторских школ; они же придавали теоретическое обобщение опыту народной комедии. Поэтому в высшей степени вероятным представляется объединение грамматиков и мастеров народной комедии под знаком архаистической оппозиции против официальной поэзии века Августа⁵.

Если мы примем предлагаемое отождествление архаистов-поэтов с мастерами народной комедии, а архаистов-теоретиков с оппозиционно настроенными грамматиками, то сразу станет яснее и место литературного архаизма в общественной жизни времени Августа, и важность борьбы с ним в политике Августа.

Власть Августа фактически держалась на военном могуществе; но чтобы не казаться тиранией, она нуждалась в поддержке общественного мнения. Поэтому организация общественного мнения была важнейшим элементом политики Августа. Целям этой политики служила новая школа в поэзии — кружок Мецената во главе с Вергилием, Горацием и Варием. Август старался предоставить новой школе средства самого широкого воздействия. Таких средств было три: книга, школа и сцена. Первое средство всецело было во власти новой литературы: никакая литературная оппозиция не могла конкурировать с изданиями, субсидируемыми Меценатом. Но этого средства было недостаточно: круг читающей публики (т. е. тех, кто мог себе позволить потратиться на книги) был в Риме сравни-

⁵ Можно даже думать, что у этой оппозиции был свой организационный центр — коллегия поэтов при храме Муз, основанная в конце III в. до н. э. в память Ливия Андроника и включавшая не только писателей, но и актеров (Гораций, упоминая о ней в Sat., I, 10, 38—39, усиленно отмежевывается от нее и от ее членов) — и что именно в противовес этому Август старался сплотить писателей официального направления вокруг нового центра — палатинского храма Аполлона (Hör., Ep. II, 2, 94). См. E. Sihler, The Collegium Poetarum at Rome, AJP, 26 (1905), стр. 1—21.

тельно неширок, и ни открытые Августом публичные библиотеки, ни входившая в моду практика рецитаций не могли существенно помочь делу. Два других средства были важнее: школа позволяла воздействовать на менее зажиточные и более широкие слои населения, а театр давал возможность обращаться непосредственно к низам римского общества, толпившимся на зрелищах. Но на театре господствовала оппозиционно настроенная народная комедия, в школе — оппозиционно настроенные грамматики; и там, и здесь официальная литература должна была встретить упорное сопротивление. Таким образом, борьба с архаистами становилась частью борьбы за утверждение принципата.

О том, как разворачивалась борьба против архаизма в школе, мы почти не имеем сведений (ср., впрочем, Suet., *de gram.*, 16). Как велась борьба против архаизма на сцене, мы можем судить лучше. Вся эпоха Августа представляла собой ряд настойчивых попыток создать новую драматургию. Фунданий пытался возродить жанр паллиаты (Hor., *Sat.*, I, 10, 39), Меллс создал новый жанр «светской комедии» — трабеату (Suet., *de gram.*, 21), Азиний Поллион и потом Варий разрабатывали трагический жанр, даже сам Август пробовал сочинить трагедию (Suet., *Aug.*, 85). Борьба за драму велась так широко, что в нее оказался вовлеченным даже Гораций, никогда драматургией не занимавшийся. Его послание к Августу почти целиком посвящено критике народной комедии, а послание к Пизонам — апологии трагедии.

Послание Горация к Августу не раз было предметом изучения⁶. Но все без исключения исследователи, исходя из предположения об идеальной дружбе между Горацием и его просвещенным покровителем, рассматривали этот страстный полемический памфлет только как изящную светскую беседу между двумя единомышленниками (Ольтрамар, Клингнер), как изложение теоретических взглядов по некоторым занимавшим Августа вопросам (Нетушил, Ростаньи), самое большее — как деликатное выражение несогласия с личным пристрастием Августа к театральным зрелищам (Иммиш, Ла Пенна). Поэтому содержание послания оставалось непонятым. Между тем оно многозначительно. Гораций просит Августа, чтобы тот отвратился от драматургов-архаистов и вернул свою благосклонность поэтам кружка Мecenата. Из этого очевидно, что посланию предшествовало какое-то охлаждение отношения Августа к поэтам новой школы. Обстоятельства этого охлаждения в высшей степени интересны. Оно не только представляет собой вовсе не изученную страницу в истории римской литературы, но и позволяет с новой стороны взглянуть на напряженную политическую обстановку в Риме того времени.

Понятно, что при таком подходе особенно важно точно определить время написания послания к Августу. Хронология литературных посланий Горация, как известно, очень спорна. Для послания к Августу основным указанием являются ст. 111 сл.: *ipse ego qui nullos me adfirmo scribere versus...* и т. д. Очевидно, послание было написано вскоре после того, как Гораций публично отрекся от стихотворства. Таких отречений в творчестве Горация было два: в первом послании I книги, изданной в 20 г.

⁶ См., например, И. В. Нетушил, Литературные послания Горация: построение послания к Августу, «Гермес», 1909, № 9; он же, Субъективные формы в поэтике и в послании к Августу, «Гермес», 1910, № 1; P. Oltmar, L'épître d'Horace à Auguste, son objet et sa disposition, «Mélange Nicole». Gén., 1905; F. Klingner, Horazens Brief an Augustus, «Sitzungsber. d. Bayer. Akad. d. Wiss.», 1950, № 5; A. La Penna, Orazio, Augusto e la questione del teatro latino, «Ann. d. Scuola Norm. Super. di Pisa», 19 (1950), стр. 144—155; ср. A. Rostagni, Arte Poetica di Orazio commentata da A. Rostagni, Tor., 1930, введение; O. Immisch, Horazens Epistel über die Dichtkunst, «Philologus», Splbd, 24, 3, Lpz., 1932.

до н. э., и в послании к Флору (II, 2), написанном около 12 г. до н. э.⁷. К какой из этих творческих пауз следует отнести послание к Августу?

Ключом к этому вопросу должно служить сообщение Светония в биографии Горация о том, что Август, «прочитав некоторые послания и не обнаружив никакого упоминания о себе, жаловался на это так: „Знай, что я на тебя сердит за то, что ты в стольких сочинениях такого рода не беседуешь главным образом со мной. Или ты боишься, что близость со мной будет для тебя бесчестьем в глазах потомков?“». И он добился стихотворения, обращенного к нему и начинающегося словами: „Столько трудов и такие труды один ты выносишь“...» и т. д. — Что имел в виду Август, говоря о «сочинениях такого рода» (*eiusmodi scriptis*) у Горация? Если он имел в виду их форму, т. е. самый жанр посланий, то поводом к письму должны были послужить послания I книги; если он имел в виду их содержание, т. е. литературно-критическую тематику, то поводом могли быть только послание к Флору и послание к Пизонам. В первом случае письмо Августа и вызванное им послание следует отнести к паузе 20—17 гг., во втором случае — к паузе 12—8 гг.

Для нас представляется несомненным, что первый вариант правдоподобнее. Август был политик, а не критик; литература интересовала его как средство прославить свое имя и дело, а не свой литературный вкус. Трудно вообразить, чтобы он дошел до столь резких упреков только потому, что считал себя более компетентным в поэзии, чем Флор или Пизон. Гораздо вероятнее, что его внимание привлекла не тематика, а самый жанр поэтических посланий к конкретным лицам. Гораций ввел этот жанр в Риме впервые, слава автора и новизна формы вызвала к посланиям особенный интерес, и скромные имена адресатов Горация, которым теперь было обеспечено бессмертие в строках поэта, должны были возбуждать у читателей понятную зависть. Август, считавший право на бессмертие своим по преимуществу, был обижен невниманием больше других и в своем письме фактически потребовал от Горация прямо и резко послания в свою честь. В год выхода первой книги посланий Август находился далеко в поездке по Востоку; поэтому письмо его вернее отнести к следующему, 19 г., а послание Горация к Августу — к 18 г.

Думается, что такая дата более обоснована, чем дата 14—13 гг., предложенная в свое время Фаленом и Моммзеном и некритически принимаемая всеми последующими исследователями. Подтверждением нашей датировки служит и упоминание в первых же стихах о только что предложенной Августу *cura legum et morum* (ст. 1—2, ср. Dio, 54, 10, 5—7; RGDA, 6), и упоминания в заключительной части о покоренных горных замках, уstraшенных парфянах и закрытом храме Януса (стр. 250—256), указывающие, по-видимому, на недавний армянский поход 20—19 гг. и мир с Парфией. Сторонники поздней датировки пытаются толковать ст. 1 (*cum tot sustineas et tanta negotia s o l u s*) как указание на смерть Агриппы (12 г.), а ст. 16 (*iurandasque tuum per numen ponimus aras*) — на причисление гения Августа к культу ларов. Однако положение Агриппы при Августе всегда было лишь подчиненным; а ст. 16 указывает не на официальное узаконение культа гения Августа (происшедшее лишь в 7 г. до н. э., т. е. через год после смерти Горация), а на неофициальное его почитание,

⁷ Эта дата предложена для послания к Флору Фридрихом (G. Friedrich, *Abfassungszeit der Litteraturbriefe*, в кн. «Q. Horatius Flaccus — philologische Untersuchungen», Lpz, 1894); И. Фален (J. Vahlen, *Über Zeit und Abfolge der Litteraturbriefe des Horaz*, «Monatsber. d. Preuss. Akad. d. Wiss.», 1878, Okt.) и Т. Моммзен (Th. Mommsen, *Litteraturbriefe des Horaz*, «Hermes», 145, 1880, стр. 103—115) относят его к 20—17 гг., что достаточно убедительно спровергнуто Кеттнером (G. Kettner, *Die Episteln des Horaz*, B., 1900, стр. 30—33).

которое издавна было в ходу среди наиболее пылких его приверженцев (ср. Verg., Georg., III, 12—39). Таким образом, эти доводы не опровергают предлагаемой датировки — 18 г. до н. э.

Если эта датировка правильна, то истоки предшествующего охлаждения между Горацием и Августом следует искать в конце 20-х годов до н. э.

Двадцатые годы были временем постепенного и трудного оформления власти Августа. Один за другим следовали разделы и переделы власти между Октавианом и сенатом: 29 г., 26 г., 23 г. Отношения между принцепсом и сенатом, несмотря на внешний декорум, были натянутыми. В этой обстановке Октавиану больше чем когда-нибудь нужна была популярность в народе, на которую он мог бы опереться в возможной борьбе с сенатом. Отсюда его особое внимание к литературе, которая должна была помочь ему в организации общественного мнения.

Между тем в литературе стояло затишье. Все три столпа Мecenатова кружка фактически отстранились от литературной злободневности: Вергилий ушел в долгую работу над «Энеидой», Гораций отлучался «Оды», Варий, по-видимому, после «Фиеста» умолк. Наиболее активную деятельность развивали поэты младшего поколения: Тибулл, Проперций и их сверстники, чуждые гражданственного духа «певцов Августа». В довершение всего вокруг новой школы очень быстро сгруппировалась масса эпигонов-конъюнктурщиков, привлеченных правительственным одобрением и официальной модой (о них Гораций напишет в 19 послании I книги). Они компрометировали литературную репутацию всей новой школы и тем более теряла пригодность для идейной пропаганды, постольку теряла она и расположение принцепса.

В то же время портятся отношения и между Августом и покровителем новой школы — Мecenатом. Начиная с 23 г. Август все тверже выдвигает программу возрождения древних добродетелей, — Мecenат, бравировавший своей распушенностью, меньше всего годился в ее исполнители. В том же 23 г. был раскрыт заговор Мурены и Цепиона против жизни Августа; Мурена, адресат известной оды Горация (II, 10), был братом Теренции, жены Мecenата, и, по-видимому, через нее получал информацию (Suet., Aug., 66). Вследствие этого Мecenат после 23 г. окончательно сходит с политической сцены. Лучших поэтов его кружка Август пытается привязать непосредственно к себе и своему окружению. Так, в конце 23 г. он добился того, что робкий Вергилий прочел перед ним три едва законченные песни «Энеиды». Около того же времени он предложил Горацию должность своего секретаря; но Гораций отказался, сославшись на слабое здоровье⁸. Мecenат с горечью смотрел, как распадается его кружок, и с нервной навязчивостью старался сохранить приязнь Горация. Тот отвечал ему рассудительным седьмым посланием; отголоски этой размолвки слышатся и в других посланиях I книги⁹.

Седьмое послание — это подробное обоснование достойной умеренности и скромной независимости. Это ответ не только Мecenату, но и Августу

⁸ Donat., Vita Verg., 32; Suet., Vita Hor. Это происходило в промежутке между болезнью Августа в 23 г. (упоминаемой в письме к Горацию) и отъездом его на Восток в 22 г.

⁹ Т. Эстерлен (Th. Oesterlen, Die Reihenfolge der Briefe des I Buch von Horaz und das Verhältnis zwischen Horaz und Maecenas von J. 21 an, «Neue Jahrb. für Philologie und Paedagogik», 147, 1893) распространяет влияние этой размолвки почти на все послания сборника. К. Бюхнер (K. Büchner, Der siebente Brief des Horaz, «Hermes», 75, 1940, стр. 64—80), исходя из предвзятого мнения об идеальной дружбе между Горацием и его патроном, пытался представить послание как ряд дружеских шуток, не имеющих даже отношения к Мecenату. Натянутость такого толкования убедительно показана в статье: J. H. Gunning, Der siebente Brief des Horaz und seine Verhältnis zu Maecenas, «Mnemosyne», 10 (1942), стр. 303—320.

с его предложением секретарства. Причины такой позиции понятны. Гораций помнил Филиппы, видел судьбу Мурены, писал стихи о превратности всего земного и не желал более ввязываться в политическую игру. Мало того. В глазах Августа литература слишком тесно была связана с политикой: следовательно, отказ от политики неминуемо вел к отказу от литературы. Творческий кризис такого рода характерен не для одного Горация: известно затяжное молчание Вария, известно, что и Вергилий собирался, закончив «Энеиду», уйти от литературы и заняться философией (*Vita Verg.*, 35). Гораций попытался осуществить этот замысел: его сборник посланий 20 г. задуман как последняя книга, с мотивированным отказом от литературы во имя философии в первом послании и с прощальным автопортретом в последнем.

Однако, отказываясь от поэзии, Гораций не собирался отказываться от поэтической славы. В политике он был робок, но в искусстве честолобив. Он хотел стать мэтром новой школы, наставником литературной молодежи в поэтическом ремесле («*nil scribens ipse, docebo*», — скажет он в «Поэтике», Ер. II, 3, 306). Объектом своего наставничества он избрал «ученую когорту» молодых аристократов, состоявших при Тиберии (*studiosa cohors*, Ер. I, 3, 6): к членам этого кружка обращены послания 3, 8 и 9, близок к Тиберию был и Луций Пизон, будущий адресат «Поэтики». Но Гораций плохо рассчитал свой выбор: если в 23—20 гг. Тиберий был в хороших отношениях с Августом, выполнял ответственное поручение на Востоке и мог надеяться стать его наследником, то в 20 г. с рождением внука Августа от Юлии и Агриппы надежды эти пали, отношения Тиберия с Августом стали холоднее, его окружение потеряло вес в обществе¹⁰, а вместе с ним и Гораций. Письма Августа к Горацию становятся суровее: отказ поэта от секретарства был принят еще сравнительно добродушно (хотя и не без яда: *neque enim si tu, superbus, amicitiam nostram sprevisisti, ideo nos quoque ἀνδριπερὶ χρυσοῦμεν...* — *Suet., Vita Hor.*), но молчание об Августе в книге посланий вызвало уже по-настоящему резкую отповедь, цитированную выше.

Официальное положение новой школы было поколеблено. Это сразу должно было ободрить арханстов, примолкших было со времени нападков на «Буколики» Вергилия и первые сатиры Горация. Из I книги посланий мы видим, что теперь их деятельность вновь оживилась. Поводом к этому послужило издание од Горация в 23 г.: их критика была как бы предвестием той травли, которой лет через пять подверглась «Энеида». Основным упреком арханстов был упрек в подражательности; они нападали не только на творчество Горация, но и на деятельность всей новой школы до эпигонов-конъюнктурщиков включительно. Свидетельством тому являются два послания I книги: I, 3 и I, 19.

Послание I, 3 обращено к Юлию Флору, возможному вождю «ученой когорты» Тиберия. Здесь наибольший интерес представляют критические замечания Горация по адресу поэтов-дилетантов Тиция и Цельса (ст. 9—20). Предмет критики Горация — именно подражательность: в лице Тиция критикуется неудачный выбор образцов для подражания (Пиндар¹¹), в лице Цельса — неудачное выполнение подражания, переходящее в плагиат (*ne... moveat cornicula risum furtivis nudata coloribus...*). В целом стихотворение представляется образцом внутригрупповой «самокритики»: Гораций советует друзьям исправить те их недостат-

¹⁰ О литературных вкусах Тиберия и его кружка см. *Suet., Tib.*, 70; о критическом отношении Августа к этим вкусам — *Aug.*, 86.

¹¹ Хайнц в своем комментарии видит в словах о Пиндаре не иронию, а комплимент; но Гораций считавший подражание Пиндару непосильным даже для себя (*Od.*, IV, 2), не мог обратить такой комплимент всерьез к молодому дилетанту.

ки, которые дают литературным противникам повод для нападок на всю группу.

Послание I, 19, обращенное к Меценату, построено сложнее. В нем три части. В первой части (ст. 1—20) Гораций резко обрушивается на бездарных подражателей, способных перенимать лишь недостатки своих образцов (*o imitatores, servum pecus...*). Вторая часть (ст. 21—34) открывает причину такого озлобления: оказывается, что к таким подражателям причисляют и самого Горация, и ему приходится во всеуслышание заявить о своей оригинальности (*libera per vacuum posui vestigia princeps...*), а пользование чужими размерами оправдать ссылкой на практику древних лириков. В третьей части (ст. 35—49) объясняются причины столь обосновательных обвинений: оказывается, против Горация ведут кампанию грамматики, оскорбленные тем, что он не записывает перед ними; при этом «неблагодарный читатель дома принимает и хвалит мои сочинения, а за порогом несправедливо порочит их» (ст. 35—36), — иными словами, эта борьба носит принципиальный характер, так что противникам Горация случается поступаться личными вкусами во имя общей программы. Здесь Гораций особенно настойчиво подчеркивает аристократизм своего направления (ст. 33—34, 39, 43—44); характерна политическая терминология этой части (*plebis suffragia venari*, ст. 37; *grammaticas ambire tribus*, ст. 40), предвещающая политическую окраску послания к Августу. В целом стихотворение осуществляет известный маневр: Гораций отмежевывает себя и своих ближайших соратников (*nobiles scriptores*, ст. 39) от тех представителей новой школы, чьи недостатки, на этот раз неисправимые, дают литературным противникам повод для нападок на всю школу.

Можно угадать и еще одну причину оживления архаизма около 20 г. На этот раз речь идет не столько об архаизме грамматиков, сколько об архаизме драматургов (впрочем, связь между ними не порывалась, и упоминание *spissa theatra* в Ер. I, 19, 41 не случайно). Иероним свидетельствует, что в 22 г. до н. э. на римской сцене были представлены первые пантомимы. Это новое и эффектное зрелище грозило опасной конкуренцией для мастеров народной бытовой комедии, дотоле безраздельно владевших сценой. Архаисты-комедиографы напрягли все силы, чтобы сохранить популярность у зрителей¹²: увеличилась пышность постановок (Ер. II, 1, 187—193), в репертуар вновь вошли испытанные временем пьесы Плавта, Атты и других классиков (там же, ст. 60—62, 79—82). В этой конкуренции архаисты могли рассчитывать на поддержку самого Августа, внимание которого к народным зрелищам было общеизвестно. Аполитизм и безправственность пантомим заведомо раздражали принципса¹³: знаменитого Пилада он выслал из Италии, его ученика Гиласа приказал высечь (Suet., Aug., 45; данные Tac., Ann., I, 54 относятся к более позднему времени). Но таких мер было недостаточно: нужно было что-то противопоставить пантомимам на самой сцене. От клиентов Мецената ждать было нечего: Меценат сам был поклонником пантомим и обожателем Бафилла. Из послания Горация к Августу (ст. 208: *quae facere ipse recusat...*) можно заключить, что Август предлагал переключиться на драматургию самому Горацию; тот, конечно, отказался. Это также не содействовало улучшению отношений между принципсом и новой школой.

¹² На то, что первые пантомимы, естественно, должны были вызвать «национальную» реакцию, указывал еще Г. Ферреро («Величие и падение Рима», т. 4, М., 1922, стр. 134).

¹³ Сами пантомимы понимали свою полезность делу Августа гораздо лучше, чем он: см. Macr., II, 7, 19; Dio, 54, 17: «Тебе же на пользу, Цезарь, когда народ отвлекается и тратит время на нас!».

Все вело к тому, чтобы между Августом и архаистами наметился союз. Августу это дало бы желанную власть над сценой (а может быть, и над школой), сильнейшим фактором общественного воздействия; архаистам это дало бы опору в конкуренции с пантомимами. Если бы такой союз состоялся, и новая школа лишилась бы правительственной поддержки, положение ее сразу стало бы много тяжелее. Новой школе предстояла новая борьба с архаистами. Как раз в это время ее постигла незаменимая утрата: в сентябре 19 г. умер Вергилий. Тяжелая задача отстоять благоволение принцепса к новой школе ложилась теперь на плечи Горация. Тем временем политическая обстановка, напрягаясь все более и более, разрешилась новым политическим кризисом. Пока Август находился в поездке по Востоку, в Риме вновь разгоралась борьба между сенатом и народом. Августу было выгодно ослабление сената, и можно думать, что его агенты тайно поддерживали плебс и его рупор — народную комедию. В 19 г., опираясь на плебс, против воли сената выдвинул свою кандидатуру в консулы Эгнаций Руф; дело дошло до уличных схваток. Сенат был вынужден апеллировать к Августу. Август спешно вернулся в Рим, казнил Эгнация по обвинению в заговоре и приступил ко всеобщему умиротворению. Была проведена чистка сената, были приняты законы о нравственности, имевшие целью возродить древние доблести; венцом этих мероприятий должны были явиться юбилейные празднества 17 г., торжество мира, золотого века и всеобщего блаженства.

Коллегой Августа в проведении празднеств был его соправитель Агриппа, — судя по упоминанию Випсания в перечне «хулителей Вергилия», отношение Агриппы к новой школе было отрицательным. Непосредственно перед празднествами Август усыновил двух маленьких сыновей Агриппы и Юлии — это означало решительное отстранение Тиберия от престолонаследия. Существенной частью празднеств были многодневные театральные представления — это делало вероятным еще более тесное сближение Августа с мастерами народной комедии. Такова была обстановка в тот момент, когда Гораций, видя нарастающую опасность, грозящую тому поэтическому направлению, вождем которого он остался, забыл о своем отказе от стихотворства и принялся за сочинение послания к Августу.

Важность темы определила большой объем послания — 270 стихов; это — второе по величине произведение Горация (после позднейшей «Поэтики»). Большой объем требовал продуманного плана. В послании переплетаются две темы: критика архаизма и оправдание новой школы; обе они подготавливают и обосновывают общий вывод: призыв к Августу отказаться от покровительства архаистам и вернуть благосклонность новой школе. Замечательна одна особенность разработки этих тем: их насыщенность политическими мотивами. До сих пор эта черта не привлекала внимания исследователей. Между тем она характерна для той обстановки напряженной общественной борьбы, в которой возникло послание.

В политическую тематику нас вводит самый зачин послания — панегирическое обращение к Августу (ст. 1—17). Ход мыслей здесь таков: «Ты, Цезарь, так велик, что народ чтит тебя еще при жизни, а не только посмертно, как других благодетелей. Но, увы, только здесь он так справедлив, а во всем остальном предпочитает то, что уже отжило свой век». По инерции кажется, что речь идет все еще о делах политических и что под «отжившим» имеются в виду республиканские традиции. Это сразу настоятельно поражает читателя; но Гораций тотчас оставляет эту тему и переводит речь на литературную деятельность архаистов.

Критика архаизма разворачивается в ст. 18—89. Поначалу Гораций говорит еще гиперболически и неопределенно о том, как весь римский народ (*tuus hic populus*, ст. 18; потом в ст. 81, 183—186, 187—188 это

понятие будет расчленено, и речь пойдет отдельно о сенаторах, плебсе и всадниках) благоговее перед «ветхими свитками певцов» (*annosa volumina vatum*, ст. 26). Затем речь становится конкретнее: «певцы» оказываются Пакувием, Плавтом и прочими драматургами, пьесы которых еще не сходят со сцены (ст. 50—59), а их поклонники — грамматиками (*critici*, ст. 51), которые и повинны в том, что державный римский народ одурманен архаистической агитацией из школы (*hos ediscit...*, ст. 60) и со сцены (*et hos... spectat Roma potens*, ст. 60—61). Чем объяснить, что архаисты при всей абсурдности их теорий (показанной в ст. 28—49) имеют успех у публики? Очевидно, причины этого лежат вне литературы, т. е. опять-таки в политике. Действительно, конкретный пример (ст. 79—85 о комедии Атты) показывает, что главными единомышленниками архаистов являются *patres*, упорствующие в привычках своей юности; двусмысленность слова *patres* позволяет видеть здесь намек на сенаторов с их застарелыми республиканскими симпатиями¹⁴. После этого Гораций наносит решающий удар: он заявляет, что и для всех архаистов литературные теории являются лишь маскировкой, подлинный же мотив их деятельности — ненависть ко всему «нашему» (ст. 88—89: *ingeniis non ille favet plaudique sepultis, nostra sed impugnat, nos nostraque lividus odit*). «Наше» — это, конечно, обозначает программу и продукцию новой школы; но так как о новой школе в послании еще не упоминалось, то создается впечатление, что «мы» — это прежде всего автор и адресат послания, Гораций и Август; в таком случае «наше» — это уже область не столько литературная, сколько политическая, и архаисты с их ненавистью ко всему «нашему» оказываются уже политическими противниками нового строя, установленного Августом. Это хорошо замаскированное и в высшей степени серьезное обвинение — кульминация возражений Горация против архаизма; и опять поэт многозначительно обрывает здесь ход мыслей и переводит разговор на другую тему.

Новая тема — оправдание новой школы — распадается на два раздела: оправдание общее и оправдание частное, по вопросу об отношении к драматургии. Общему оправданию посвящены ст. 103—138. Здесь Гораций деликатными обиняками дает понять, что, во-первых, повальное увлечение поэзией вызвано установлением всеобщего мира и, таким образом, сам Август является косвенным виновником легкомысленного стихотворства; и, во-вторых, что эта поэзия не враждебна делу Августа, а полезна ему своим воспитательным влиянием на публику¹⁵. Первая мысль раскрывается в сопоставлении греческого прошлого и римской современности (ст. 90—117): как Греция V в., несмотря на свое легкомыслие, смогла создать шедевры всех искусств, так и августовский Рим, по-видимому, в сходных условиях способен на то же¹⁶. И так как в Греции драма оказывается последней в ряду культурных успехов (ст. 98), то и в Риме время для нее еще не настало. Вторая мысль раскрывается в перечне достоинств поэта и поэзии (ст. 118—138), среди которых особенно выделена религиозная миссия хора (ст. 132—138): это почти открытая заявка на

¹⁴ Это отмечено еще Фаленом в статье «*Horatius' Brief an Augustus*» (J. V a h l e n, *Gesammelte philologische Schriften*, I, B., 1911, стр. 461—491).

¹⁵ Между тем ранее Гораций сам издевался над теми, кто пишет «для школьников» (*Sat.*, I, 10, 74—75; ср. *Ep.* I, 20, 17—18): очевидно, теперь он отступает от прежнего своего эстетства в угоду Августу и признает воспитательную функцию поэзии, деликатно уклоняясь от признания более понятной Августу пропагандистской функции (например, панегирического эпоса — *Ep.* II, 1, 250—256).

¹⁶ Из всех исследователей это единственно правильное толкование отрывка о Греции дает только И. В. Нетушия (ук. соч., стр. 354). В частности, образ няни, надзирающей за девочкой (ст. 99), необъясним в применении к Греции и становится ясным лишь для обстановки Рима под властью принцепса.

сочинение юбилейного гимна 17 г. Заявка сделана от лица всей новой школы; но Гораций не забывает напомнить и лично о себе: в ст. 111 он сообщает, что его отказ от поэзии вовсе не серьезен и, стало быть, его перо к услугам Августа, а в ст. 124 намекает на свою недолгую военную карьеру. Точная программа гимна, по-видимому, еще не была выработана, отсюда несовпадения между тошкой ст. 134—138 и содержанием будущего «Carmen saeculare».

Частному оправданию — оправданию отрицательного отношения новой школы к драматургии — посвящены ст. 156—213. Здесь Гораций ссылается на неразвитость и невежество плебейской публики: угодить ей хорошей пьесой невозможно, а потакать ей дурными пьесами — недостойно; это годится для арханстов, падких на деньги и на дешевую славу, но не для уважающего себя поэта. Здесь особенно важен отрывок ст. 139—160, где описывается исконная грубость римской культуры: в нем политическая трактовка архаизма находит свое завершение. Гораций описывает возникновение фесценнинских шуток (*fescennina licentia*), их все более и более свирепый тон, принятый против них закон и его благотворные последствия (ст. 154—155: *vertere modum, formidine fustis ad bene dicendum delectandumque redacti*). Это — недвусмысленное указание на желательность административных мер против арханстов — мер, аналогичных примененным некогда против их предшественников и образцов¹⁷.

Заключительная часть послания — выводы — распадается на три куска: о новой школе (ст. 214—231), об Августе (ст. 232—249), о самом себе (ст. 250—270). Покровительство Августа новой школе представлено здесь отнюдь не как факт, а только как слабая надежда (ст. 226: *cum speramus eo rem venturam, ut simul atque carmina rescieris nos fingere, commodus ultro arcessas et egere vetes et scribere cogas*). Залог этой надежды — тонкий вкус, которым Август превосходит даже Александра Великого; как при жизни Вергилия и Вария он был благосклонен к новой школе (ст. 247), так и после их смерти он не должен лишать ее покровительства. Все это сопровождается замечаниями насчет недостатков новых поэтов вообще (ст. 219—228) и собственных слабых сил в частности (ст. 250—259, тонкий отказ от предложения прославить Августа в эпосе). Концовка, иронически изображающая результат непосильных поэтических предприятий, эффектно замыкает послание.

Таково содержание послания к Августу, главного источника наших представлений о литературном кризисе конца 20-х годов. Конечно, предлагаемая интерпретация может быть лишь гипотетической, в ней слишком много гадательного и спорного, слишком многое приходится выводить из недоговоренных намеков, вполне понятных в той сложной ситуации, в какой писалось послание. Думается все же, что такой подход к произведению более плодотворен, чем традиционный взгляд на это послание как на благодушную беседу изящного поэта с просвещенным покровителем, где и содержание и композиция определяются лишь случайными поворотами разговора.

Гораций мастерски выполнил обе стоявшие перед ним задачи. В программе новой школы были выделены мотивы совпадения с идеологической программой Августа: в обстановке нравственных реформ 18 г. это было прямым предложением союза. В деятельности арханстов была подчеркнута их связь с республиканской оппозицией: в обстановке не прекращаю-

¹⁷ Вопрос о том, в какой мере рассказ Горация о фесценнингах может считаться его собственным домыслом и в какой мере он заимствован из филологических источников и каких именно, здесь рассмотрен быть не может: см. W. Huppert, *Horaz über die scaenicae origines der Römer* (epist. 2, 1, 139 ff.), diss., Köln, 1961.

щихся после Эгнациева мятежа репрессий (Dio, 54, 15) это было почти политическим доносом. Нам трудно различить и оценить все эти намеки на политическую злободневность, но современники всегда умеют читать между строк.

Последствия послания к Августу сказались быстро. Они общезвестны. Август, получив долгожданное послание в свою честь, со всем благодушным удовлетворенного самолюбия ответил поэту любезным и грубовато-шутливым письмом¹⁸. Сочинение юбилейного гимна было поручено Горацию. Покровительство Августа за новой школой было упрочено. Союз принцепса с архаистами не состоялся. Оживление на сцене, о котором свидетельствует послание к Августу, и кампания против только что изданной «Энеиды», относящаяся примерно к тому же времени, — сильнейшие, но и последние проявления активности архаизма. В позднейших литературных посланиях Горация (к Флору и к Пизонам) встречаются намеки на него лишь косвенно и вскользь. В открытую борьбу с официальной литературой архаизм более не вступает; чем дальше, тем больше из него выветривается оппозиционная идеология: народная комедия постепенно превращается в развлекательный фарс, школьный критицизм — в антикварскую любовь к устарелому языку и стилю.

Чем объяснить столь быстрый успех послания Горация и столь неожиданно полную победу новой школы в этом решающем столкновении? Очевидно, на этот раз Гораций правильно почувствовал направление очередного поворота политики Августа. После мятежа Эгнация Руфа союз Августа с сенатом вновь упрочился, цель императора была достигнута, потребность в опоре на плебс отпала, союз с народной комедией стал излишним, и Август возвращается к своим старым литературным союзникам. Послание Горация предвещает этот поворот литературной политики, юбилейный гимн отмечает поворотный пункт. Между принцепсом и литературой устанавливаются мирные отношения лет на двадцать — до времен ссылки Овидия и сожжения сочинений Лабиена.

¹⁸ «Принес мне Онисий твою книжечку, которая словно сама извиняется, что так мала, но я ее принимаю с удовольствием. Кажется мне, что ты боишься, как бы твои книжки не оказались больше тебя самого. Но если рост у тебя и малый, то полнота немалая: так что ты бы мог писать и по целому секстарию, чтобы книжечка твоя была кругленькая, как и твое брюшко» (S u e t., Vita Hor.).